

Южнева Н.

ЕВРЕИ ПЕТЕРБУРГА В ПЕРИОД РЕФОРМ 1860-Х ГОДОВ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Настоящая статья имеет узкие хронологические рамки (фактически – одномоментный временной срез) и ограниченную тему (только социально-демографическая характеристика). То и другое объясняется, с одной стороны, важностью пореформенного периода в истории еврейской колонии Петербурга, с другой – необходимостью ввести в научный оборот и прокомментировать материалы первой петербургской городской переписи (1869 г.) по данному вопросу. **(1)**

Петербургские городские переписи, а всего их было пять, являются ценным источником для социально-демографической характеристики еврейской этнической группы. Все они остаются с этой точки зрения до сих пор неизученными. Все же материалы более поздних переписей (начиная с 1881 г.) нашли некоторое отражение в литературе, **(2)** чего нельзя сказать о переписи 1869 г., о которой не только нет отдельных публикаций, но материалы ее не использованы и в единственной статье, посвященной общему очерку истории еврейской колонии Петербурга. **(3)**

Многонациональная столица.

В XVIII в. этнический состав населения Петербурга в основном сводился к двум компонентам – русским, которые составляли 92–94 %, и иностранцам. В первой половине XIX в. доля русских несколько уменьшилась (до 87–89 %) за счет того, что, кроме иностранцев, которых по-прежнему было немало, появились также группы представителей нерусских подданных империи. В пореформенное время доля русских еще уменьшилась и одновременно стабилизировалась: с конца 1860-х годов до 1910 г. она составляла 82–83 % населения столицы. В течение этого времени доля иностранцев упала с 3.1 % до 1.2%; нерусские петербуржцы состояли в подавляющем большинстве из российских подданных. При этом соотношение разных национальных групп менялось. В 1869 г. самой многочисленной группой в Петербурге были немцы, второе место занимали финны вместе со шведами, третье – поляки с литовцами. Далее шли евреи и эстонцы. Ко времени переписи 1881 г. существенных изменений в соотношении этнических групп не произошло. В 1890 г. уже наблюдались определенные изменения. Поляки стали второй по величине нерусской этнической группой, опередив финско-шведскую. Увеличилось число белорусов и эстонцев, а евреев – сократилось, в результате чего эти три группы оказались примерно равновеликими. Очень большие изменения произошли в структуре нерусского населения в 1890-е и 1900-е годы. Быстрыми темпами возрастает в это время численность белорусов и поляков с литовцами. Обогнав немцев, эти две группы становятся к 1910 г. самыми крупными. Немцы занимают третье место, евреи по численности приближаются к немцам. Растет численность эстонцев, украинцев, латышей, падает – финнов со

шведами, в результате эти четыре группы оказываются близкими по величине.

Как видим, за 40 лет возросла мозаичность нерусской части населения Петербурга: в 1869 г. четыре группы составляли во всем населении свыше 1 % (немцы, финны со шведами, поляки с литовцами и евреи). к 1910 г. таких групп стало семь (добавились белорусы, эстонцы, латыши). Кроме того, сильно изменилось соотношение и удельный вес разных этнических групп. Если в 1869 г. преобладал немецко-финский компонент, то в 1910 г. первенствующее место занял славянский. Значительно увеличилась доля русскоязычного, хотя и нерусского населения – за счет главным образом белорусов, украинцев и евреев, в меньшей степени – за счет других национальностей. Русскоязычные петербуржцы и представители славянских народов вместе составляли в 1910 г. 55 % всех нерусских жителей Петербурга (против 16 % в 1869 г.), а немцы, финны и шведы – 21 % (против 62 % в 1869 г.). В табл. 1 содержатся данные об этническом составе населения Петербурга в период с 1869 по 1890 г., которые основаны на трех петербургских переписях населения и уточнены автором этой статьи. **(4)**

Евреи в Петербурге начиная с пореформенного времени занимали постоянно четвертое по численности место среди нерусских групп, доля в населении варьировала от 1 до 2 %. В 1869 г. их численность была равна 6.7 тыс., в 1881 г. – 17 тыс., в 1891 – 15.4 тыс. (уменьшение связано с антиеврейским законодательством). К 1900 г. численность евреев в Петербурге снова возрастает, но только в начале XX в. темпы роста достигают уровня 1870-х годов, в результате чего в 1910 г. в Петербурге было уже 35 тыс. евреев (табл. 1).

Таблица 1

**Этнический состав населения Петербурга
по переписям 1869– 1890 гг.**

Этническая группа	1869		1881		1890	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Русские	555.0*	83.2	715.0*	83.0	791.0*	82.9
Белорусы	3.0*	0.4	7.0*	0.8	13.0*	1.4
Украинцы	0.5*	0.1	1.4*	0.2	5.0*	0.5
Евреи	6.7	1.0	17.0	2.0	15.4	1.6

Эстонцы	4.0*	0.6	7.0*	0.8	10.0*	1.0
Латыши	2.8*	0.4	4.5*	0.5	5.4*	0.6
Финны	18.0*	2.7	20.0*	2.3	19.0*	2.0
Шведы	5.1	0.8	5.8	0.7	4.7	0.5
Поляки	14.4*	2.2	21.4*	2.5	27.3*	2.9
Литовцы	0.6*	0.1	0.8*	0.1	2.1*	0.2
Немцы	45.6*	6.8	48.7*	5.7	47.0*	4.9
Французы	3.1	0.5	3.2	0.4	2.9	0.3
Англичане	2.1	0.3	2.0	0.2	1.9	0.2
Татары	2.0	0.3	2.7	0.3	3.5	0.4
Армяне	0.4*	0.06	0.6*	0.07	0.6*	0.06
Грузины	0.2	0.03	0.1	0.01	0.1	0.01
Итальянцы	0.4	0.06	0.6	0.07	0.4	0.04
Прочие	3.2	0.5	2.7	0.3	4.5	0.5
Всё население	667.2	100	861.3	100.0	954.4	100.0

Примечание. Звёздочкой обозначена реконструкция, остальное – данные переписей.

Источник: Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984. С. 24.

Роль петербургской еврейской колонии в истории евреев России. Каково место еврейской колонии Петербурга в истории евреев-ашкеназов России? Колония эта была расположена достаточно далеко от их основной этнической территории **(5)** и сильно отличалась от всего народа по своему социальному составу и культурному облику. Евреи Петербурга были мало похожи на своих соплеменников, живших в Белоруссии, Литве и на Украине. Отличия в социальной структуре были результатом ограничения в праве жительства: в Петербурге был более высок процент евреев, занимавшихся интеллигентными видами труда, основная масса состояла из ремесленников и отсутствовали неквалифицированные рабочие и люмпен-пролетарские группы, составляющие значительную часть населения городов и местечек черты оседлости. Велики были и культурные отличия. Петербургские евреи очень быстро утрачивали в столице традиционную еврейскую бытовую культуру и язык. С пореформенного

времени и до начала первой мировой войны в течение полустолетия в столице шел интенсивный процесс языковой ассимиляции: в 1869 г. почти не было евреев, считавших родным русский язык, в 1910 г. доля их достигла 42 %. Сравнение доли уроженцев столицы среди евреев с долей русскоязычных показывает, что в начале XX в. второе поколение было практически полностью русскоязычным. **(6)** По темпам языковой ассимиляции евреи опережали все национальности, за исключением украинцев и белорусов. Евреи отличались быстрой интеграцией и сменой языка при медленных темпах собственно этнической ассимиляции. Относительная быстрота интеграции, которой не благоприятствовало национальное неравенство и религиозное отличие от основной массы населения, может быть объяснена внутренней ориентацией большинства еврейских мигрантов на включение в петербургскую жизнь и разрыв с национальной средой Западного края. Определенную роль в ассимиляционных процессах в Петербурге играл переход в христианство. В отличие от Центральной и Западной Европы, где принятие христианства евреями в XIX в. носило массовый характер, в России в целом оно никогда не играло существенной роли, так что и в этом также состояла особенность Петербурга. Но при всем отличии от основной еврейской массы петербургская колония была не какой-то случайной группой, тупиковой ветвью, а, наоборот, в известном смысле являлась прообразом будущего развития еврейского народа в России. В Петербурге впервые возникали, осознавались, ставились и решались (или не решались) важные проблемы, которые впоследствии приобрели актуальность для всего народа, например соотношение родного и русского языков, значение религии в этнической идентификации, способы национального существования в условиях дисперсного проживания и т. д. Некоторые из этих проблем не только не утратили своей актуальности до настоящего времени, но приобрели общезначимый характер. Таков, например, вопрос о русскоязычной национальной литературе. Первой возникла в середине XIX в. русскоязычная еврейская литература, и споры вокруг нее предшествовали сегодняшним дискуссиям о том, к какой литературе, русской или национальной, принадлежат писатели разных народов, населяющие нашу страну и пишущие по-русски. Но эти рассуждения уводят нас за пределы темы. Поэтому вернемся к основному вопросу. Очень важно сказать о том, что петербургская колония сыграла большую, может быть даже решающую роль в национально-культурном развитии еврейского народа. Это было общим явлением: петербургские национальные колонии играли важную роль в национально-культурном развитии и других народов. Более того, это было общей закономерностью: расположение центров национальных движений вне основной этнической территории, в крупном инонациональном городе, **(7)** было обычным явлением для целого ряда европейских народов, не обладавших собственной государственностью и переживших в XVIII – XIX вв. национальное возрождение. Особенно характерно это было для народов, находившихся в составе трех крупнейших многонациональных империй – России, Австрии и Турции. **(8)**

В столице России во второй половине XIX – начале XX в. имелись представители почти всех народов империи. Но далеко не каждая

национальная колония играла роль в развитии своего народа. Конечно, не могли выполнять функции национального центра те этнические группы, которые в Петербурге не осознавали своего единства, не имели собственных организаций, т. е., строго говоря, не были колониями. Но и в тех случаях, когда колония обладала и национальными организациями, и прессой, и школой, последние иногда имели лишь местное значение и никак не влияли на национальное возрождение и национальное движение в целом. Стать центром (или одним из центров) национального движения Петербург мог только при определенных условиях. Условия эти касаются как особенностей движения, так и характера и положения национальной колонии. Центр национального движения может быть расположен вне основной этнической территории в том случае, если движение имеет характер национально-культурный и при этом находится на начальном этапе, когда главной движущей силой его являются немногочисленные группы интеллигенции, занятые разработкой национального языка и распространением просвещения на этом языке. При переходе ко второму, массовому этапу национального движения центр его обычно перемещается на национальную территорию. Локализации центра национального движения в инонациональном городе благоприятствует отсутствие антагонизма с доминирующей в этом городе национальной культурой. При наличии этих условий колония в инонациональном городе может стать национально-культурным центром в том случае, если она обладает более или менее высоким социальным статусом и в ее составе имеется группа образованных людей, не утративших связи со своим народом и заинтересованных в его культуре.

В пореформенное время (1860-е годы) сочетание всех этих условий складывается так, что Петербург становится на некоторое время центром латышского и отчасти эстонского национальных движений. **(9)** В этот же период российская столица начинает играть важную роль в национально-культурном развитии еврейского народа и не теряет этой роли и в дальнейшем: еврейское национально-культурное движение было связано с Петербургом наиболее тесно и наиболее длительный срок. Еврейская культура развивалась в России на трех языках – древнееврейском (иврит), разговорном еврейском (идиш) и русском. В Петербурге были представлены все три течения, но все же наиболее значительным было русскоязычное.

Еврейское национальное движение в XIX в. отчетливо делится на два периода – до последней четверти XIX в. оно проходило под знаменем просвещения, а с конца XIX в. приобрело характер борьбы за национальное возрождение.

Просветительное движение, зародившееся в Пруссии (и связанное с именем берлинского еврейского философа М. Мендельсона) получило название "Гаскала", что на иврите значит "просвещение". Фактическим содержанием Гаскалы был переход от средневековых форм культуры к культуре нового времени, но внешне это выражалось в приобщении евреев к европейской культуре. Идеи Гаскалы в России были восприняты из Германии, поэтому некоторое

время распространялись на немецком языке. Близкий разговорному идишу, немецкий был все же языком чужой страны и перед просвещенцами ("маскилами") остро встал языковый вопрос. Иврит воспринимался как священный язык Торы, на котором невозможно обсуждать обыденные темы. Идиш в те времена считался обиходным "жаргоном", малопригодным для целей просвещения. Русского языка широкие еврейские массы не знали. Российская Гаскала стала развиваться на двух языках – на языке иврит как национальном (путем его реформирования и создания на нем новоеврейской светской литературы) и на русском (что соответствовало мысли основоположников немецкой Гаскалы о необходимости просвещения на языке страны проживания).

Очагом просвещения на древнееврейском языке стала Вильна, давний центр еврейской культуры. Характерно, что почти все еврейские писатели, писавшие на иврите, были уроженцами Литвы. Из виленских просвещенцев вышли два творца новоеврейского литературного стиля – прозаик М. А. Гинцбург и поэт А. Б. Лебенсон.

В Вильне появился первый исторический роман А. Мапу. Наконец, здесь жили и писали в 1860-е годы крупнейшие деятели еврейской литературы того времени – поэт Лев Гордон и прозаик Менделе Мойхер-Сфорим. В Вильне с 1860 г. выходила (на иврите) первая в России еврейская газета – еженедельник "Гакармель". Богатые традиции средневековой еврейской культуры благоприятствовали развитию в Вильне просвещения на древнееврейском языке, но они же создавали и определенные трудности для маскилов. Спротивление, которым встречали Гаскалу в консервативной ортодоксальной среде, опиралось на талмудическую раввинскую ученость, и просвещенцам противостояло не невежество, а теологическая образованность. Иное положение сложилось в Одессе, которая стала вторым центром Гаскалы. В этом новом портовом городе с пестрым составом населения не было средневековых культурных традиций. Здесь не появилось собственных крупных литературных сил, но зато не было и заметного сопротивления Гаскале. Просвещение пошло вширь, первоначально опираясь на приезжих из Галиции европейски образованных евреев. В 1826 г. в Одессе было открыто еврейское общеобразовательное училище (с преподаванием на немецком языке) – событие по тем временам исключительное. Широкое развитие получила еврейская пресса. В 1860 г. начал выходить (почти одновременно с виленским "Гакармелем") еженедельник на иврите "Гамелиц"; в качестве приложения к нему выпускался еженедельник на идише, предназначенный для простонародья ("Кол-Мевассер"), – мероприятие, до которого в Вильне той поры не снисходили. Особенная по сравнению с Вильной роль Одессы проявилась в том, что в ней было положено начало еврейской периодической печати на русском языке: в 1860 г. О. Рабинович основал здесь журнал "Рассвет". Очагом возникновения еврейской русскоязычной культуры Одесса стала не случайно: евреи здесь занимали относительно высокое экономическое и общественное положение, тесно контактировали с русскими и в своих просветительских начинаниях

получали поддержку одесских властей. В результате в 1860-е годы Одесса становится признанным центром еврейского просвещения, каковым ее считали как адепты, так и противники Гаскалы. Однако уже в следующем десятилетии она уступает первенство Петербургу (это проявилось, в частности, в перенесении места издания "Гамелица" из Одессы в Петербург (10)). Падение роли Одессы для еврейского национально-культурного движения было следствием ухудшения положения живших там евреев. Даже в годы самой мрачной реакции ни в Вильне, ни в Петербурге антисемитизм не получил такого распространения и влияния и не принимал столь безобразных форм, как в Одессе (погромы 1871, 1881, 1886, 1905 гг., господство в городе черносотенного "Союза русского народа", военное положение 1905–1909 гг.).

В дореформенное время Петербург не был и не мог быть центром еврейской культуры – по той причине, что евреи не имели права жить в нем постоянно (можно было лишь приезжать по временным разрешениям). Тем не менее нельзя не отметить двух фактов, не связанных между собой, но свидетельствующих о роли Петербурга для евреев даже в то время и в этом смысле показательных. С тех пор как миллионы евреев после разделов Польши стали российскими подданными, царское правительство постоянно было озабочено "урегулированием" их положения: в столице то и дело создавались разные комиссии по еврейскому вопросу, на которые вызывали с мест (для консультаций) представителей еврейской кагальной верхушки и раввина. Второй факт, единичный и в свое время казавшийся малозначительным и даже курьезным, – появление в начале XIX в. именно в Петербурге первого еврейского литературного произведения на русском языке (обращенный к русскому читателю "Вопль дочери иудейской" Л. Неваховича).

В 1859 г. было разрешено селиться вне черты оседлости купцам 1 гильдии, а в 1861 г. – окончившим высшие учебные заведения с ученой степенью (разрешение жить вне черты оседлости всем, получившим высшее образование, было дано только в 1879 г.). В результате этих постановлений в Петербурге появляется группа образованных евреев, которые сразу же приступают к национально-культурной деятельности. В 1863 г. по инициативе барона Б. Гинцбурга и Д. М. Бродского создается в составе 21 человека "Общество для распространения просвещения между евреями России". Оно ставило своей целью насаждение русской грамоты и светских знаний. Общество постепенно превратилось в многотысячную всероссийскую организацию с центром в Петербурге и отделениями в городах черты оседлости. До конца XIX в. это была единственная организация, объединявшая широкие круги еврейской интеллигенции. Еврейские просветители первых пореформенных лет видели будущее евреев России в переходе на русский язык и сближении с русским народом. Такая позиция соответствовала либеральному пониманию национального вопроса, который трактовался как правовой – полное уравнение в правах. Вместе с тем взгляды еврейских ассимиляторов импонировали царскому правительству, и их деятельность на первых порах пользовалась официальной поддержкой и покровительством, что облегчило процесс превращения Петербурга в центр еврейской

русскоязычной культуры. С 1870-х годов Петербург становится центром еврейской печати на русском языке. Всего в России в течение 50 лет (с 1860 по 1910 г.) выходило 39 названий русскоязычных еврейских газет и журналов, из них 21 в Петербурге (7 в Одессе, 3 в Вильне, по 1–2 в других городах). Среди издававшихся в Петербурге должны быть названы “Еврейская библиотека”, десять томов которой вышли в период 1871–1903 гг., еженедельники “Русский еврей” (1879–1884 гг.) и “Рассвет” (1879–1883 гг.) и, конечно, ежемесячный журнал “Восход”, издававшийся без перерывов с 1881 по 1906 г.; иногда долгие годы он был единственным в России русско-еврейским органом. После 1906 г. число еврейских изданий на русском языке стало быстро расти, хотя многие оказывались недолговечными. Среди более значительных – еженедельник “Новый восход”, журналы “Еврейский мир”, “Еврейская старина”.

К 1880-м годам Гаскала исчерпала себя. Среди евреев возникает сильное течение, сторонники которого ратовали за национальное возрождение. Подобные настроения давали о себе знать и прежде, хотя и не получали широкого признания среди еврейской интеллигенции. – они возникали тогда в полемике с крайними взглядами русификаторов и исходили главным образом из мысли о нереальности в условиях того времени полного слияния евреев с русским народом. Поиски нового пути пошли под влиянием примера других европейских народов, успехи которых в борьбе за национальное возрождение стали к этому времени очевидны. Толчком к широкому распространению в еврействе национальных идей послужил взрыв антисемитизма – не только в России, но и в Европе, особенно в Германии, где евреи, казалось, уже достигли эмансипации и почти полностью ассимилировались; это подорвало веру в то, что еврейский вопрос может быть разрешен гражданской эмансипацией и ассимиляцией. Начало XX в. ознаменовалось самым широким участием евреев в социал-демократическом движении, как в составе РСДРП, так и путем создания собственной организации – Всеобщего еврейского социал-демократического союза (Бунд). Распространение новых идей среди широких народных масс и развитие литературы на языке идиш привело к тому, что центр еврейской культурной жизни частично вновь вернулся на основную этническую территорию евреев. Но этот процесс не был столь однозначным, как у других народов, – у латышей и эстонцев, например. Для евреев России все большее значение приобретала русскоязычная национальная культура, развивавшаяся под непосредственным влиянием культуры русского народа, и благодаря этому значение Петербурга все возрастало. Вместе с тем для деятелей еврейской культуры того времени, даже писавших по-русски, не был характерен полный отрыв от национальных языков. Многие были двух- или трехязычны и выступали попеременно на том или другом языке. В Петербурге в начале XX в. наряду с господствовавшей здесь русскоязычной стихией то и дело проявляла себя – так или иначе – и деятельность на языках идиш и иврит. Именно в Петербурге с 1903 по 1909 г. выходила первая ежедневная газета на идиш “Дер Фрайнд”, широко распространявшаяся на основной этнической территории еврейского народа (в 1909 г.

издание этой газеты было все же перенесено в Варшаву). Роль Петербурга для евреев России в нескольких словах можно определить так: в конце XIX–начале XX в. Петербург был одним из центров культуры на языках иврит и идиш и главным центром русскоязычной культуры.

История еврейской колонии Петербурга до середины XIX в.

История еврейской колонии Петербурга может быть разделена на два периода – с конца XVIII в. до 1850-х годов и от реформ 1860-х годов до 1917 г. В первый период колония состояла из временных жителей, ее численность не превышала нескольких сот человек. Во второй период возникает колония, состоящая не только из временных, но также и из постоянных жителей, ее численность постепенно растет от нескольких тысяч до нескольких-десятков тысяч; имеются еврейские общественные организации, печать, 1860-е годы были переломным моментом – именно тогда впервые возникает в Петербурге постоянная еврейская колония. Все, что было до середины XIX в., фактически является предысторией. Краткий очерк ее дается ниже.

На протяжении XIV–XVIII вв. евреи были подданными Польско-Литовского государства, в границах которого находились тогда также Белоруссия и Украина. Во второй половине XVII в. в результате национально-освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого левобережная Украина отошла к России. До этих событий там жило много евреев, но в ходе ожесточенной борьбы, длившейся с переменным успехом в течение нескольких десятков лет, большинство их погибло, уцелевшие бежали в Польшу. По Андрусовскому договору (1667 г.) немногим оставшимся предоставлялось на выбор уйти в Польшу или остаться (последнее – лишь при условии согласия на это местных жителей-христиан). В результате Россия в течение примерно полувека имела среди своих подданных немногочисленное еврейское население левобережной Украины. После смерти Петра I один за другим стали издаваться указы об изгнании евреев из пределов Российской империи. Указы не всегда исполнялись, но все же к середине XVIII в. Россия официально (хотя, вероятно, не фактически) осталась без евреев: им было запрещено не только жительство, но и временные приезды. Соответствующим образом и в Петербурге почти столетие после его основания евреев среди жителей практически не было. Исключение составляли отдельные еврей-иностранцы, да и то они по большей части были христианами. Так шутом при дворе Петра I, а потом и при дворе Анны Иоанновны был Ян д'Акоста (Лакоста), происходивший из семьи евреев-марранов. Наиболее успешной была карьера Антона Мануйловича Дивьера. Сын португальского еврея, он был привезен в Россию Петром из Голландии и назначен в 1703 г. первым петербургским генерал-полицмейстером. В 1726 г. Дивьер был даже возведен в графское достоинство, но вскоре оказался в опале. После ссылки в Сибирь Дивьер вернулся в Петербург в 1743 г., где вновь занял пост генерал-полицмейстера, но спустя два года умер.

В конце XVIII – начале XIX в. в результате разделов Польши Россия получила в подданство около миллиона евреев. По первому разделу (1772 г.) к империи была присоединена часть Белоруссии; здесь были созданы две губернии – Полоцкая (позднее – Витебская) и Могилевская. По второму разделу (1793 г.) к России перешла остальная часть Белоруссии (Минская губ.) и правобережная Украина, разделенная на губернии Изяславскую (позднее Волынская) и Брацлавскую (позднее Подольская). С третьим разделом Польши (1795 г.) Россия включила в свой состав Литву – Виленскую и Слонимскую (позднее Гродненская) губ. В это время евреям, населявшим перешедшие от Польши земли, было разрешено селиться в Екатеринославском наместничестве (будущие Екатеринославская и Херсонская губ.), в Крыму, а также в Киевской, Черниговской и Новгород-Северской (позднее Полтавская) губ. Этими постановлениями фактически была сформирована будущая “черта оседлости”, поскольку евреям уже тогда было запрещено проживание (и даже пребывание) за пределами перечисленных губерний. Позднее, в 1815 г., в состав России было включено так называемое Царство Польское с полумиллионным еврейским населением. В конце XVIII в. приезжать в Петербург евреям было можно либо по особому разрешению, либо полуполюгально, когда власти смотрели на это сквозь пальцы, либо нелегально. С конца царствования Екатерины II появилась небольшая колония, состоявшая из людей богатых или занимающих достаточно высокое положение, а также из иностранцев. Наиболее известными людьми среди членов колонии были коммерсанты и общественные деятели – Абрам Перетц, Нота Ноткин, писатели Лейба Невахович и Мендель Левин (Сатановер). Судьба многих образованных евреев, живших в то время в Петербурге, – крещение и ассимиляция: слишком оторванными они оказывались от своего народа (Л. Невахович, А. Перетц).

Приезжали в Петербург и жили в нем более или менее длительные сроки также евреи, не связанные с русским обществом. Особую группу составляли делегаты, приезжавшие в столицу с целью каких-либо ходатайств или участия в работе комиссий по законодательному урегулированию положения евреев. Первой была депутация из Белоруссии в составе шести человек, ходатайствовавшая в 1785 г. об облегчении положения евреев. Постоянно приезжали по торговым делам купцы. Известно, например, что группа белорусских еврейских купцов вела в 1800 г. в Петербурге оптовую торговлю.

Маленькая еврейская колония хотя и состояла из временных жителей, но они приезжали с семьями и жили подолгу. Колония имела резника, моэля. В 1802 г. евангелическо-лютеранская община Св. Петра уступила евреям часть своего Бретфельдского кладбища (теперь – Волково). **(11)**

Изменения наступили в 1805 г., когда вошло в силу “Положение о евреях” 1804 г. **(12)** Оно соответствовало либеральному духу первых лет царствования Александра I и начиналось с постановления о предоставлении евреям права обучаться во всех училищах, гимназиях и университетах “без всякого различия от других

Лифляндская губ. (г.Шлока)	6	-	-	6	-	-	6
Курляндская	23	13	16	52	Раввин - 1	1	13
Могилевская	70	18	26	114	Резники - 9	6	60
Виленская	12	2	2	16		-	10
Витебская	11	2	1	14		1	10
Минская	8	1	2	11		-	7
Подольская	2	1	3	6		1	-
Белостокская обл.	8	-	-	8		2	4
Киевская губ.	1	-	-	1		-	1
Выборг	1	-	-	1		1	-
Фридрихсгам	1	-	-	1		-	-
Иностранцы (в том числе из Царства Польского)	36	23	30	89			
	-	-	-	29			
Без указания происхождения	-	-	-	22			
Итого				370			

*Не обо всех известно.

Источник: таблица составлена по данным, приведенным в работе: Гессен Ю. Санкт-Петербург // ЕЭ. Т. 13. Стб. 941.

После 1805 г. в Петербург стали чаще приезжать и жить в нем депутаты так называемых Еврейских комитетов. Первый Комитет был создан в 1802 г., результатом его деятельности и явилось "Положение о евреях" 1804 г. Следующий Комитет был создан в 1806 г., затем – в 1809, 1823 и 1825 гг.

В мрачные времена Царствования Николая I положение евреев ухудшилось как в России вообще, так и в Петербурге. Николаевское законодательство о евреях очень обширно (было издано около шестисот разных актов), о нем будет сказано ниже в связи с характеристикой реформ 1860-х годов. В Петербурге же события развивались следующим образом. Уже в марте 1826 г. было дано

распоряжение о том, чтобы евреи, живущие в столице "без всякого дела", были высланы, в результате чего уехали 22 человека. С остальными, жившими по разрешениям, разбирались еще около полугодом, после чего право продлить пребывание в столице получили только 29 человек, 230 человек подлежали высылке. Иностранцы евреи (к которым причислялись также выходцы из Царства Польского), всего 59 человек, не высылались. **(16)** В 1827 г. были введены правила, по которым сроки пребывания евреев в Петербурге ограничивались шестью неделями (в особых случаях разрешался срок до шести месяцев). **(17)** В дальнейшем изгнания и высылки следовали одна за другой, причем они нередко сопровождались дополнительными санкциями. Так, в 1838 г. евреи с просроченными паспортами были отданы в арестантские роты. **(18)** Иногда высылка на место постоянного жительства заменялась ссылкой в другую губернию. **(19)** В 1844 г. были высланы 13 человек с просроченными паспортами, но одновременно было дано распоряжение впредь за эту провинность сдавать в рекруты. Вскоре это было исполнено. **(20)**

Как и в предыдущий период, в Петербург приезжали на короткие сроки депутаты с мест в различные еврейские комитеты и во вновь созданную Раввинскую комиссию (общегосударственный орган).

Существенным новшеством в этот период было появление в столице совершенно новой категории жителей – еврейских солдат. В 1827 г. для евреев была впервые введена рекрутская повинность. Норма поставки рекрутов была у евреев более высокой, чем у остального населения; ограничения по здоровью для них не делались. Поэтому очень много евреев служило в нестроевых командах. В целях русификации евреев направляли проходить службу в губерниях и городах, где не было еврейского населения, в том числе в Москву и Петербург. Все годы николаевского царствования среди петербургских евреев преобладали солдаты.

Таблица 3

Сведения о евреях в Петербурге по переписям 1869–1890 гг.

	1869	1861	1890
<u>Иудаисты:</u>			
<u>еврейский язык</u>	-	14 107	10 295
<u>русский язык</u>	-	1 965 754	4 360
<u>другие языки</u>	-	16 826	676
<u>всего</u>	6624		15 331
<u>Христиане, считающие</u>			

<u>родным еврейский</u> <u>язык:</u>			
<u>православные</u>	103	134	
<u>протестанты</u>	23	7	19
<u>католики</u>	3	1	5
<u>всего</u>	129	142	1
			25
Итого:	6 753	16 968	15 356

Примечание. Везде исключены караимы, которых было не более нескольких десятков.

Источники: Перепись 1869 г. Вые. 1, отд. 2, табл. XI (с. 97); Перепись 1881 г. Т. 1, ч. 1, табл. 7 (с. 242–243); Перепись 1890 г. Ч. 1. вып. 1. отд. 2. табл. VIII (с. 78–81); Перепись 1897 г. Тетр. 2. табл. XIV (1. 56–59).

Другим результатом законодательства этого периода было возникновение в Петербурге определенного слоя евреев-христиан. Крещения начались еще во второй половине царствования Александра I. Тогда они коснулись наиболее социально продвинутой и образованной части евреев; переход в христианство этих людей был вызван их полным культурным отрывом от своего народа. В николаевскую эпоху со стороны правительства была предпринята попытка христианизации евреев через рекрутчину – крестили мальчиков-кантонистов, всячески поощрялось крещение и взрослых солдат. Крещение в те времена было верным путем к ассимиляции, поскольку дети и внуки крестившихся вступали в браки с христианами.

Накануне реформ (по данным 1858 г.) петербургская еврейская колония насчитывала 552 человека (не считая евреев-христиан, а также солдат, живших в казармах). **(21)**

Эпоха реформ: новые законы

1860-е годы было принято называть “эпохой великих реформ”. Несмотря на непоследовательность и недостаточный радикализм большинства этих реформ, они привели к важным и необратимым изменениям в экономической, социальной и политической жизни России, способствовали вступлению ее на капиталистический путь развития.

Конец 1850-х годов был временем небывалой общественной активности и подготовки реформ. В 1861 г. крестьяне были освобождены от крепостной зависимости. В 1863 г. университеты получили автономию. В следующем, 1864 г., были проведены сразу две реформы – земская и судебная. Последняя была особенно

радикальной: в основу новых судебных уставов был положен принцип гласности и отделения судебной власти от административной. В 1863 г. последовала реформа печати (цензурная). Позже, в 1870 г., была проведена реформа городского самоуправления, а в 1874 г. введена всеобщая воинская повинность.

Общие реформы касались и евреев как граждан страны, особенно судебная, городская и военная. Ни в одном из новых законов не было специальных ограничений для евреев. Этим они принципиально отличались от всех предшествующих, в которых обычно наряду с каким-либо общим установлением вводились особые правила для евреев. Однако продолжали действовать специальные законы, которые касались только евреев; для их отмены требовалась отдельная реформа.

Во время подготовки еврейской реформы, как и при подготовке других реформ, сталкивались различные взгляды, и прогрессисты встречали серьезное сопротивление со стороны консерваторов и реакционеров, часто поддерживаемых Александром II. Основное различие состояло, пожалуй, в том, что борьба вокруг еврейской реформы не получала столь бурного общественного резонанса, почти не отражалась в печати и в основном протекала в недрах административно-бюрократического аппарата.

Еще в николаевские времена (в 1840 г.) был создан комитет, который в духе того времени был назван Комитет для определения мер коренного преобразования евреев. В его состав вошли министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев, министр народного просвещения граф С. С. Уваров, главноуправляющий делами II отделения Собственной е. и. величества канцелярии граф Д. Н. Блудов, управляющий Министерством внутренних дел граф А. Г. Строганов, товарищ министра (с 1844 г. — министр) финансов Ф. П. Вронченко и начальник III отделения Собственной е. и. величества канцелярии генерал Л. В. Дубельт. Со вступлением на престол Александра II Киселев тотчас обратился к нему с докладом, в котором высказался о необходимости радикальной реформы законодательства о евреях. Хотя царская резолюция была положительной, **(22)** все же спустя недолгое время (в том же 1856 г.) Киселев был вынужден из-за своих либеральных взглядов оставить пост председателя Комитета. Его место занял Д. Н. Блудов; настроенный гораздо более консервативно, он определял позицию Комитета вплоть до его упразднения в 1863 г.

На вышеупомянутый доклад Киселева Александр II наложил резолюцию: "Пересмотреть все существующие о евреях постановления". Как было принято, стали собирать по этому вопросу записки с мнениями компетентных лиц — в данном случае генерал-губернаторов и начальников губерний черты оседлости. Начальники Витебской, Могилевской и Минской губ. высказались за разрешение жить вне черты оседлости евреям-ремесленникам, мотивируя это тем, что количество их слишком велико и "несоразмерно с потребностями тамошнего бедного края". **(23)** Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор

присовокупил к этому еще и политическое соображение: "Эта мера лишила бы польскую пропаганду возможности... действовать во вред правительству на праздную толпу, как это имеет место в настоящее "время". (24) Черниговский губернатор предложил "ныне же отменить все существующие ограничения", имея в виду, правда, лишь левобережные губернии и мотивируя это тем-что там "евреи разительно отличаются наречием, одеждою и образом жизни от евреев других губерний и почти совершенно слились с туземными жителями". (25)

Наиболее радикальные взгляды выразил новороссийский генерал-губернатор граф А. Г. Строганов: "Дозволение евреям жить во всех местах империи и заниматься на одинаковых правах с русскими. без всяких ограничений, занятиями, соответствующими их нравам и способностям, другими словами, сравнение их в гражданских правах с туземцами не только соответствовало бы законам справедливости, но приносило бы пользу народной нашей промышленности". (26) И далее: "Существование в настоящее время каких бы то ни было ограничений в гражданских правах евреев сравнительно с христианским населением несообразно ни с духом и направлением времени, ни с стремлением правительства к слиянию евреев с коренным населением". (27)

Министр внутренних дел С. С. Ланской поддержал Строганова. Он заявил в докладе Еврейскому комитету, что "слияние, или, выражаясь точнее, – сближение еврейского народа с коренными жителями по образованию, занятиям и тому подобное... можно достигнуть только уравнием в правах с прочими жителями империи, и потому всякого рода исключительные постановления для них, если только они не относятся до религии, разные стеснения и ограничения следует признать положительно препятствующими сближению их с прочим народонаселением и едва ли не главною и единственною причиною того жалкого положения, в каком они остаются у нас до сих пор". (28)

Предложение Строганова и Ланского было отвергнуто Еврейским комитетом во главе с Блудовым: "Уравнение евреев в правах с коренными жителями не может иначе последовать, как постепенно, по мере распространения между ними истинного просвещения, изменения их внутренней жизни и обращения их деятельности на полезные занятия". Резолюция царя гласила: "Совершенно справедливо". (29) В результате даже весьма умеренное предложение допустить во внутренние губернии евреев-ремесленников было осуществлено лишь спустя семь лет, уже после прекращения деятельности Еврейского комитета. Полное же уравниение в правах было отложено до Февральской революции 1917 г.

Первым шагом в деле смягчения условий еврейской жизни, на который решилось правительство, была ликвидация вопиющего положения, существовавшего в деле отбывания евреями воинской повинности. Законы о еврейской рекрутчине были порождением николаевской эпохи и несли печать своего времени. До 1827 г. евреи рекрутской повинности не подлежали (для них она заменялась

податью). В 1827 г. на евреев была возложена рекрутская повинность, втрое более высокая, чем на всех остальных. **(30)** Сдаче в рекруты подлежали мальчики с 12 лет (их направляли в кантонистские школы), действительная служба начиналась с 18–25 лет. Когда не хватало людей такого возраста, эти правила обходили, отдавали в кантонисты даже восьмилетних детей. Но недоимка росла, в 1853 г. еврейским обществам было разрешено ловить у себя в местности евреев, не имеющих паспортов, и сдавать их в зачет рекрутской повинности. Это привело к преступлениям и деморализации. Вот это-то ненормальное положение и решено было ликвидировать. В 1855 г. при очередном наборе было дано распоряжение брать рекрутов с евреев по общей норме, а коронационным манифестом 26 августа 1856 г. это было окончательно утверждено и уничтожен институт кантонистов. **(31)**

В основе всей ограничительной политики лежал закон о праве жительства, и именно его отмена означала бы коренную реформу. Между тем опасения по поводу проживания евреев вне черты оседлости были очень велики. Следующий почти курьезный факт наглядно показывает этот нелепый страх. В конце 1855 г. было разрешено во внутренних губерниях, в полках и военно-учебных заведениях, иметь портных и закройщиков из евреев "на то время, на которое военное начальство заключит с ними контракты", но не более как по одному на каждый полк и военно-учебное заведение: при этом предписывалось этим портным и закройщикам "под строгим надзором местной полиции... строжайше воспретить... заниматься другими промыслами и денежными оборотами". **(32)**

15 мая 1836 г. были утверждены "Правила для увольнения из поиск нижних чинов в отпуски и в отставку". Евреи, как и все остальные, получали право на бессрочный отпуск за 20-летнюю выслугу. но было специально оговорено, что "бессрочно-отпускным нижним чинам из евреев, которые остаются в своем законе, дозволяется избирать места для жительства только в городах и местах, вообще для водворения евреев не закрытых". **(33)** Казалось бы, из сказанного с очевидностью следует, что к принявшим христианскую веру ограничения не относятся. Тем не менее в принятом всего три месяца спустя аналогичном "Положении об увольнении нижних чинов морского ведомства" сочли необходимым уточнить, что "евреям, принявшим св. крещение, дозволяется избирать места для жительства на родине или вне оной по собственному их желанию". **(34)** Все же в 1858 г. Комитет по устройству быта евреев предложил предоставить бессрочно-отпускным солдатам жить всюду в империи. Александр II отклонил это решение, написав на журнале комитета: "Я решительно на это не согласен". **(35)**

Первые, кому решились позволить постоянное жительство во внутренних губерниях, были иностранцы и купцы, но купцы не любые, а самые богатые (подразумевалось – самые благонадежные). 16 марта 1859 г. был принят закон "О предоставлении купцам I-й гильдии и евреям – иностранным подданным права жительства и торговли вне черты постоянного жительства евреев". **(36)** Речь шла.

таким образом. о праве повсеместного жительство. Ограничение этого права высшей гильдией показалось недостаточным, имелась оговорка – необходимо было до этого состоять в гильдии в течение 5 лет. Те, кто удовлетворял этим условиям, могли записываться в купечество вне черты и жить там до тех пор, пока будут состоять в гильдии; право оставаться в месте приписки в случае выбытия из гильдии приобреталось спустя еще 5 лет. Через год те же права были предоставлены купцам Царства Польского. **(37)**

После этого начали готовить закон, который позволил бы жить вне черты оседлости образованным евреям. В итоге всех обсуждений такое право было предоставлено (законом 27 ноября 1861 г.) **(38)** только выпускникам университета, имеющим ученые степени: "Евреи, имеющие дипломы доктора медицины и хирургии, а равно дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата на другим факультетам университета, допускаются в службу по всем ведомствам, без ограничения места пребывания их чертой, для постоянной оседлости евреев определенной". Необязательно было при этом заниматься профессиональной деятельностью: "Им разрешается также постоянное пребывание во всех губерниях и областях империи для занятия торговлею и промышленностью". Изъятие из этого закона других категорий образованных евреев Государственный совет мотивировал так: "Едва ли можно без опасения признать, чтобы еврей, не только окончивший гимназический курс, но даже обучавшийся в высшем учебном заведении, только не получивший ученой степени кандидата, магистра или доктора, а вышедший из заведения с одним званием действительного студента, чтобы такой еврей был совершенно свободен от тех предрассудков, которые всегда признавались вредными". **(39)**

Тем более казалось невозможным выпустить за черту оседлости уже получил право жить во внутренних губерниях по двум названным законам: купцы I-й гильдии могли взять с собой "не более одного приказчика и конторщика и четырех обою пола служителей на каждое семейство"; ученые же со степенью могли "иметь при себе. кроме членов своего семейства, домашних слуг из своих единоверцев не более двух". Особая уступка была сделана для отпускных нижних чинов расквартированного в Петербурге гвардейского корпуса: в 1860 г. им было разрешено проживать (вместе с семьями) в столице и ее окрестностях. Это было частное "всемиловейшее" разрешение, данное по ходатайству командира корпуса для 16 человек. **(40)**

Разрешение проживать в любом месте империи отпускные солдаты-евреи получили только по именному указу от 23 июня 1867 г. **(41)** В общем "Положении об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов" имелся специальный параграф, в котором было сказано, что "запрещение нижним чинам еврейского закона поселяться вне мест, где евреям дозволяется оседлость" отменяется.

Двумя годами раньше, по закону от 28 июня 1865 г., право повсеместного жительства "по узаконенным паспортам и билетам" было дано "евреям механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам". (42) Для получения паспортов цеховые ремесленники должны были представить свидетельства на звание мастера или подмастерья в одном из городов, имеющих цеховое устройство. Те же, кто имел нецеховые профессии, обязывались получить от заводчиков и фабрикантов засвидетельствованные полицией удостоверения о знании ими своего мастерства. Ремесленникам разрешалось иметь при себе жен, детей и несовершеннолетних братьев и сестер. Предусматривалось законом также ученичество. Подростки, не достигшие 18-летнего возраста, могли приезжать для обучения по договору на срок не более 5 лет. Если же по окончании ученичества они выдержат испытания и получат свидетельства мастера или подмастерья – могут остаться. Так наконец оказалось выполненным пожелание, высказанное еще в 1858 г. начальниками губерний черты оседлости, чрезвычайно озабоченными конкуренцией и безработицей среди еврейских ремесленников. Но вызван к жизни закон этот был не только бедами черты оседлости, но и потребностями внутренних губерний в специалистах.

Таковы были основные результаты для евреев первого десятилетия реформ. Очень незначительные сами по себе, они тем не менее положили начало совершенно новому явлению – возникновению постоянных еврейских колоний вне черты оседлости, в том числе в Петербурге.

Социально-демографическая характеристика еврейской этнической группы в Петербурге

В результате реформ численность евреев в Петербурге в течение 1860-х годов выросла более чем в тринадцать раз. В 1858 г. столичная еврейская колония насчитывала 552 человека (43), а в 1860 г. – уже 700. (44)

Прирост явился следствием закона 1859 г. о купцах I гильдии. Учитывая членов семьи и прислугу, можно считать, что за это время в Петербурге поселилось около десяти купеческих семейств. В пятилетие с 1861 по 1863 г. численность вновь прибывших составила 400 человек (45) – дополнительно сказалось действие закона 1861 г. об окончивших высшие учебные заведения с учеными степенями. В результате вступления в силу закона 1865 г. о ремесленниках и 1867 г. о солдатах прирост в следующее пятилетие, с 1866 по 1870 г., достиг 1000 человек, (46) т. е. увеличился в 2,5 раза. Ю. Гессен, не пользовавшийся переписью 1869 г., опираясь на вышеназванные цифры, следующим образом оценивает численность евреев в Петербурге к концу 1860-х годов: "Имея в виду, что многие евреи, проживавшие нелегально, уклонялись от регистрации, и приняв во внимание естественный прирост населения за эти десять лет, можно признать, что в конце шестидесятых годов здесь проживало около 5000 евреев". (47) По другой оценке, в Петербурге в конце 1860-х годов было около 10

тыс. евреев. **(48)** Перепись же дает среднюю между этими оценками цифру — 6,6 тыс. человек.

Во время переписи 1869 г. подавляющее большинство жителей было сосчитано поименно, но часть — списками (солдаты в казармах, больные в больницах, живущие в пансионах и т. п.). В поименной переписи учтены 2885 мужчин, 2271 женщина старше 7 лет и 1100 детей до 7 лет (609 мальчиков и 591 девочка); в списках значатся 298 человек (в том числе 257 мужчин) — всего, таким образом, 6654 еврея (из них 30 караимов). **(49)** Из соотношения мужчин, женщин и детей можно заключить, что по меньшей мере половина евреев жила в Петербурге семейной жизнью. Самостоятельное существование и работа мало были свойственны в то время еврейским женщинам: 87% их «получали средства существования от глав семейств» (более высокий процент в Петербурге был только у татарок). Поэтому для евреев соотношение доли мужчин и женщин может служить показателем различий в степени укорененности в Петербурге разных сословий. На 100 мужчин-иудаистов, принадлежавших к военному сословию, приходилось 95 женщин, у мещан — 84, у купцов — 54. Более низкая доля семейных в купечестве объяснялась тем, что среди них, кроме постоянных жителей, было много иногородних, приезжавших в Петербург по торговым делам на короткие сроки.

В переписи учитывались и религия, и родной язык. Подавляющее большинство (98 %) петербургских евреев считали родным еврейский язык. Русскоязычными были, по-видимому, потомки старожилов Петербурга, либо из числа детей отставных солдат, либо, скорее, — из числа образованных и занимающих достаточно высокое положение людей. Общее количество крещеных евреев учесть невозможно. Но в переписи имеются сведения о числе тех из них, кто назвал родным еврейский язык (103 православных, 23 протестанта, 3 католика).

Социальный состав и занятия.

Социальный состав, социально-профессиональная структура живших в Петербурге этнических групп значительно различались. Одной из причин этого были особенности социального развития соответствующих наций и народностей в целом. Так, в составе латышского, эстонского народов не было дворянства: естественно, что в Петербурге мы не найдем дворян этих национальностей. Поляки, напротив, отличались повышенной долей дворянского сословия — именно поэтому в Петербурге было много дворян поляков. Играло роль также наличие или, наоборот, отсутствие других, кроме Петербурга, возможностей для миграции. Так, украинские крестьяне в гораздо меньшем числе направлялись в Петербург, чем белорусские, и из-за дальности расстояния, и из-за иной социально-демографической ситуации в украинских деревнях, но также и из-за того, что избыточное сельское украинское население имело большие возможности для приложения своего труда в других местах, в частности в угледобывающей промышленности Донбасса. Социальная структура и профессиональный состав национальных групп зависели также от административно-

правовых ограничений. Наиболее ярко это проявилось в отношении евреев, в известной мере — поляков.

На занятия живших в Петербурге национальных групп оказывали влияние и условия, складывавшиеся в нем самом, именно — потребность в тех или иных видах труда. При этом следует отметить, что одно и то же, казалось бы, явление — наличие иммигрантов в определенной отрасли производства — может иметь разные объяснения. Так, преобладание иностранцев в некоторых ремесленных производствах Петербурга в XVIII в. было вызвано относительной неразвитостью в России этих производств, а большое число финнов среди петербургских ремесленников в XIX в. объяснялось, напротив, высоким уровнем столичного ремесла (работу в Петербурге финны рассматривали как школу мастерства). Необходимо отметить и то, что мигранты часто стремятся работать в близком этническом окружении: это ведет к сосредоточению какой-либо этнической группы в очень узком кругу профессий. Впрочем, тут играло роль не только этническое предпочтение, но и земляческие связи, которые способствовали информации о жизни в городе, о потребности в рабочих руках: земляки помогали устроиться на новом месте. Предпочтение или, наоборот, неприятие некоторых видов труда могло быть связано с этническими традициями. Со стороны принимающего населения оказывали воздействие такие факторы, как близость культур, стереотипы представлений о качествах, присущих разным национальностям, этнические предрассудки.

С о с л о в и я. Под сословием чаще всего понимается группа населения, отличающаяся своим юридическим положением, которое передается по наследству. Основными сословиями, которые учитывались переписями XIX в. были дворяне (потомственные и личные), почетные граждане (потомственные и личные), купцы, мещане, крестьяне. В 1869 г. отдельно учитывались близкие мещанам "цеховые", а также "военное сословие". В последнее включались следующие категории: регулярное войско (строевые и нестроевые нижние чины), бессрочноотпускные, отставные и их семейства, солдатские жены и дети, иррегулярные войска. Тех, кто не подходил под главные сословные рубрики. в статистике 1860-х годов называли "разночинцами", позднее термин этот вышел из употребления.

Из данных о сословиях можно извлечь определенную информацию о социальной структуре населения. Основным было деление на податные и неподатные сословия. Податными были крестьяне и мещане (а также цеховые). Термин "податные сословия" не исчез после отмены подушной подати, он продолжал отражать различия в правовом положении. Податные сословия, в отличие от неподатных, не обладали свободой передвижения (могли получать лишь срочные паспорта), подлежали дисциплинарной власти сословных обществ и могли быть подвергнуты телесным наказаниям. Они составляли низший слой петербургского населения; к этому низшему слою примыкала та часть "военного сословия", которая состояла из отпускных нижних чинов.

В 1869 г. в Петербурге самыми многочисленными были крестьяне, их насчитывалось 207 тыс. (31% всего населения). Крестьяне составляли основной контингент разного рода наемных работников – прислуги, фабрично-заводских и ремесленных рабочих, но были среди них также самостоятельные ремесленники и крупные торговцы (крестьяне не всегда могли, а иногда просто не спешили записываться в купцы). К военному сословию принадлежало 132 тыс. человек (20%), а за вычетом войск (солдаты, жившие в казармах) – 101 тыс. (15%). Виды занятий этой группы петербургского населения примерно совпадали с видами занятий крестьян. Мещан (вместе с цеховыми) насчитывалось 141 тыс. (21%). Заняты они были главным образом в ремесленном производстве. Неподатных сословий всех вместе было в населении столицы 19.5 % (130 тыс.). Самой многочисленной была группа дворян (94.6 тыс., 14.2%). Почетные граждане составляли очень тонкую прослойку – 7 тыс. человек (1%) (это звание было введено относительно недавно – в 1832 г.). Купцов было 22.3 тыс. (3.3%), среди них преобладали иногородние.

Сословный состав евреев в Петербурге определялся, во-первых, тем, что они были группой вообще городской, по преимуществу мещанской, а во-вторых, – особым законодательством, которое давало право на жительство вне черты оседлости ограниченному кругу лиц. В черте оседлости подавляющее большинство евреев принадлежало к мещанскому сословию, определенный процент составляли купцы, а отставные солдаты практически отсутствовали. В Петербурге соотношение сословий было иным. Мещане и солдаты были почти равновеликими группами: мещан – 2721 (41%), солдат – 2572 (38%). Доля неподатных сословий была ниже средней по городу, но все же отличалась от нее незначительно – 16.3% (1093 человека) против 19.5%. Соотношение же сословий в этой группе во всем населении и в его еврейской части не имело ничего общего: среди евреев преобладали купцы, а не дворяне (871 купец, 153 почетных гражданина, 67 личных и 2 потомственных дворянина).

Главной особенностью Петербурга было наличие большой группы бессрочно-отпускных и отставных солдат-евреев. Военная служба была тем каналом, посредством которого включались в миграцию низшие, малоподвижные слои населения. Например, в конце XVIII в. именно благодаря военной службе появились в Петербурге латыши и эстонцы крестьянского происхождения: при Екатерине II рекрутская повинность была распространена на прибалтийских крестьян: после службы, если она проходила в столице, многие не возвращались на родину, а селились в Петербурге и его окрестностях, так как долгая служба в армии вела к утрате связей с родными местами. То же самое происходило с евреями, но в увеличенном масштабе. Во-первых, евреев-отставников было относительно больше, потому что евреи несли рекрутскую повинность по повышенной норме. Во-вторых, возвращение на родину было для них еще более затруднительно, так как в николаевское время привлечение евреев к воинской службе имело специальную цель “перевоспитания”, русификации и, по возможности, крещения (идея-фикс Николая I). Этому служили многие меры: обучение малолетних в кантонистских

школах, размещение на постой только в домах христиан, направление на службу в губернии, где не было еврейского населения, привилегии принявшим православие и т. п. Вследствие отрыва от сородичей и национально-религиозных традиций отставные солдаты были в Петербурге наиболее "прижившимися" среди всех евреев. Косвенно это подтверждается приведенным выше сравнением числа мужчин и женщин в разных сословиях.

Занятия солдат в отставке во многом зависели от той подготовки, которую они получали во время службы в армии. Бывшие строевые поступали в полицию, пожарную команду и другие подразделения Министерства внутренних дел в качестве нижних чинов (13 человек). служили швейцарами (39 человек) и т. п. Многие евреи получали в армии ремесленные профессии. Из-за того что при рекрутских наборах евреев не действовали медицинские ограничения, которые касались всех остальных, среди них оказывалось много неспособных к строевой службе. А поскольку евреев брали в армию с 12 лет, была возможность обучить их ремесленным профессиям. "С тридцатых годов по 1838 г. в Петербурге и Москве существовали мастерские команды, в которые высылались из заведений кантонистов неспособные к фронту мальчики: из команд их отдавали в учение разным ремеслам вольным мастеровым, по контрактам, до полного совершеннолетия и затем назначали на службу в войска, дабы последние не нуждались в мастеровых. В каждой из названных команд числилось постоянно от 700 до 1000 мальчиков". Судьбу бывшего солдата, поселившегося в Петербурге, рисует в рассказе "Век прожить – не поле перейти" Н. Никитин, который сам был кантонистом и солдатом. **(50)** Мальчика украли и отдали в кантонисты. Многие его товарищи, чтобы избежать притеснений, приняли православие, герой рассказа сохранил свою веру. Его зачислили в мастерскую команду в Петербурге, направили учиться переплетному делу. По достижении 18 лет он был зачислен рядовым в полк, участвовал в Крымской войне. По окончании войны, потеряв на ней ногу, он отправляется со своим другом, крестившимся в армии, к нему на родину. Но отец отрекся от сына. Н. Никитин поясняет: "Евреи-простолюдины отрекаются от крестившихся детей". Герой рассказа хотя и не крестился, тоже уже отошел от обычаев предков. Евреи-солдаты "никаких религиозных обрядов не исполняют, ... из голов их еще с малолетства выбили ревность к религии". Завершается история тем, что бывший солдат отправляется в Петербург, где когда-то учился ремеслу переплетчика. "Общего у меня с моими одноплеменниками ничего не осталось: в 15 с лишком лет я совершенно отвык от всех беспорядочных их порядков, запрещающих и разрешающих всякий вздор, я даже их наречия не понимал. Напрасно только я растравлял зажившие было раны. Я поэтому взял костыль в руку и пустился искать счастья в Питер, где провел сохранившиеся в моей памяти счастливые дни. Но и здесь все, когда-то мне милое, дорогое, тоже исчезло... Разыскивать по белу свету было больше нечего, и я нанялся в подмастерья к переплетчику-немцу, и путем долгих хлопотливых трудов и сбережений стоношил себе собственную маленькую мастерскую с четырьмя рабочими и кое-как, живя одиноким, кормлюсь ею". **(51)**

З а н я т и я. Перепись 1869 г. содержит детальные сведения о профессиональных занятиях населения, с дополнительным подразделением на хозяев, работников, одиночек и администраторов. Посредством группировки этих данных была составлена таблица, в которой все евреи Петербурга, имевшие самостоятельные занятия, распределены на восемь социальных групп: мужчины и женщины рассмотрены отдельно (табл. 4).

Таблица 4

Социальный состав евреев в Петербурге по переписи 1869 г.

Социальные группы	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
Банкиры, торговцы процентными бумагами, закладчики и ростовщики, оптовые торговцы, а также живущие капиталом	108	4.1	17	4.4
Хозяева ремесленных мастерских, лавок, кухмистерских и т. п.	231	8.9	28	7.2
Самостоятельные работники, не имеющие наёмных рабочих (ремесленники, торговцы разносчики, трубочисты, шарманщики, квартирные хозяева и др.)	208	8.0	101	26.2
Наемные работники в ремесленных и торговых заведениях, а также работающие у хозяев прачки, парикмахеры, извозчики и др.	1179	46.0	108	28.0
Рабочие на табачных и винокуренных фабриках, строительные рабочие, железнодорожные рабочие и рабочие кораблестроительных государственных предприятий	117	4.5	-	-
Прислуга личная и домовая, поденщики, курьеры и ездовые, носильщики и поденщики на бирже	113	4.3	115	29.8
Интеллигентные занятия (медики, аптекари, педагоги, инженеры, писатели, музыканты, художники, и т.д.)	232	9.0	6	1.6

Агенты, комиссионеры, служащие в торговых, промышленных и страховых обществах, администрация в промышленных заведениях	199	7.17	-	-
Учащиеся высших и средних учебных заведений	200	7.7	11	2.8
Итого	2587	100%	386	100%

Примечание. В таблице учтены только те, кто имел самостоятельные занятия (исключена группа живущих за счет глав семейств).

Источник: Перепись 1869. Вып. 2, табл. V (с. 140–227)

Самую большую группу составляли наемные работники, более половины всех мужчин, распределенных по занятиям (55%). Большая часть их состояла из ремесленников, работавших по найму, о них ниже пойдет речь более подробно. Имелась прислуга, но в небольшом количестве (4.4%). Рабочих было 4.6%. Это не так мало: в то время во всем Петербурге рабочие составляли 9.7% самодеятельного населения. Из 117 рабочих 34 были заняты на винокуренных заводах. 2 – на табачной фабрике, 19 человек работали на железной дороге, 8 – на кораблестроительных предприятиях; больше всего было строительных рабочих – 53 (маляры, стекольщики, печники, штукатуры, плотники и др.). На хозяев ремесленных мастерских и лавок приходилось 9%. 7-ю и 8-ю группы из таблицы можно объединить в одну под названием "интеллигенция и служащие". Эти две группы вместе (медики и аптекари, учителя и музыканты, железнодорожные служащие и служащие в торговых, промышленных и страховых обществах) составляли 15.4% работающих мужчин.

Как уже говорилось, еврейские женщины чрезвычайно редко работали или вели собственное дело. "Самостоятельными" были лишь 386 женщин на 2862, т. е. 13% (среди мужчин "самостоятельные" составляли 73%).

Женщины распределялись примерно поровну между тремя социальными группами: самостоятельные одиночки, наемные работницы и прислуга (по 26–30%). Самым распространенным занятием была работа швеи. Портнихи-одиночки (26 человек), работницы в мастерских дамского платья и белешвейных (61 человек), хозяйки таких мастерских (4 человека) составляли четвертую часть всех самостоятельных женщин (24%). 10 женщин, видимо вдовы, владели лавками, 62 занимались торговлей в разнос. Численность женской прислуги (115 человек), скорее всего, несколько преувеличена, поскольку в прислугах числились иногда фиктивно, чтобы иметь право на жительство.

Остановимся подробнее на самой многочисленной группе петербургского еврейского населения – ремесленниках, рассматривая их целиком, не отделяя рабочих от хозяев и так

называемых "одиночек". Основанием для этого является недостаточная классовая дифференциация, характерная для всего тогдашнего ремесленного производства, а для евреев особенно. Все хозяева, за редким исключением, были специалистами своей профессии и принимали участие в производстве. Принадлежность к категории хозяина, рабочего или одиночки была непрочной, наблюдались постоянные перемещения из одной в другую. Хозяин, разорившись, поступал работать по найму, не теряя вместе с тем надежды вернуться со временем в прежнее состояние. Подмастерье, проработав несколько лет в качестве наемного рабочего, начинал наконец самостоятельное дело, на первых порах в одиночку. Некоторые ремесленники-одиночки время от времени обзаводились одним-двумя помощниками. Именно к ремесленникам относится замечание устроителей переписи 1869 г. о том, что в ходе ее проведения в ответах на вопрос о "положении в производстве" (хозяин, работник или одиночка) наблюдалась часто путаница. (52) Представляется, что она была обусловлена не столько недостатками в проведении переписи, сколько именно нечеткостью самосознания ремесленников.

Ремесленники в целом составляли весьма большую долю в населении Петербурга – 21% учтенного по занятиям населения, всего 85 тыс. человек. Соотношение русских и нерусских среди ремесленников примерно соответствовало их соотношению во всем населении (82 и 18%). (53) Но этнический состав ремесленников разных профессий был неодинаков. Были ремесла исключительно русские – такие национальные производства, как пряничное, сбитенное, кружевное, иконописное. Подавляющей долей русских отличались ремесла, характерные для крестьян, – каретники, кузнецы, столяры и др. Соотношение русских и инонациональных групп, равное их соотношению во всем населении, наблюдалось в сапожном и портновском деле. Более многонациональными были хлебное и слесарное ремесла (русских – около двух третей). В ювелирном производстве русские составляли лишь половину всех занятых, в часовом ремесле – одну треть.

Евреев-ремесленников в Петербурге насчитывалось 1177 человек (804 мужчины и 98 женщин). 232 человека (в том числе 8 женщин) были хозяевами мастерских. В одиночку работали 174 человека (в том числе 26 женщин). Всего, таким образом, самостоятельных ремесленников насчитывалось 406 человек, одна треть от общего числа. Работали по найму 696 мужчин и 65 женщин, всего 761 ремесленник (две трети).

У евреев-хозяев работали по найму не только евреи, но и русские рабочие, и наоборот, евреи нанимались к русским, немцам и другим. Это известно и из литературы, но может быть проиллюстрировано также данными переписи: 83 рабочих еврея было занято в профессиях, в которых евреев-хозяев не было, например 16 строительных рабочих разных специальностей. С другой стороны, в некоторых ремеслах имелись еврей-хозяева, но не было рабочих (красильное, обойное производства).

Вот описание мастерской, расположенной в Коломне, где было сосредоточено большинство петербургских евреев: "В 3-х конурах подвального этажа было 6 верстаков, много разных инструментов, досок и 5 рабочих: 3 еврея и 2 русских... — И с ними ладишь? — спросил я (хозяина), указывая на русских. — Ничего, хорошо: я их не обижаю, они меня тоже: мы рядом трудимся. Вся разница между нами та, что гуляем: мы по субботам, а они — по воскресеньям. — По нам, сударь, и еврей хорош, коли дело но чести ведет, и русский дрянь, ежели плутует, — вставил рабочий". Далее автор перечисляет: ... я находил евреев портных, сапожников, медников, позолотчиков, и у каждого учеников, еврейских же мальчиков: были подмастерья и у часовщиков и даже у бриллианщиков; в типографии много наборщиков. Содержали большую часть мастерских отставные солдаты-евреи, которые набирали к себе соплеменников, усердно распространяя среди них ремесленные знания". (54)

Согласно переписи 1869 г. характерными для евреев были следующие занятия: шитье мужского платья (113 портных), шитье сапог (102 сапожника), меховое и скорняжное дело (56 человек). 65 человек занимались обработкой металлов. Имелось 15 часовщиков и 62 ювелира.

Наряду с ремеслом евреи занимались торговлей. По данным переписи, численность евреев-купцов была очень велика — 871 человек. Эта цифра отражает реальный факт высокой доли этого сословия среди петербургских евреев. За этой цифрой стоит и другое. Каждый торгующий еврей брал купеческое свидетельство, так как это обеспечивало ему возможность постоянного (I гильдия) или временного (II и III гильдии) пребывания вне черты оседлости. Что же касается торговцев других национальностей, они далеко не всегда брали купеческие свидетельства: даже среди крестьян некоторые ворочали миллионами, а записываться в купцы не спешили.

Большинство купцов были иногородними, жили в Петербурге временно. Купцы имели право вести только оптовую торговлю. Согласно существовавшим правилам (циркуляр Министерства внутренних дел от 16 февраля 1866 г.) евреи вне черты оседлости могли брать гильдейские свидетельства на торговлю только изделиями собственного ремесла. Циркуляр этот, видимо, не всегда строго исполнялся (что нашло отражение в переписи 1869 г.), впоследствии он был подтвержден законом 23 марта 1870 г. (55)

Массовой была в Петербурге лавочная торговля: всего насчитывалось 3.6 тыс. лавок. Под названием "лавка" в переписи объединялись и фешенебельные магазины на Невском, и мелкие захудалые лавчонки. Именно к последней категории принадлежала в основном "еврейская торговля" Петербурга. Более всего было старьевщиков: в 19 лавках торговали подержанным платьем и только в трех — новым, 11 лавок специализировалось на продаже мануфактуры, 3 — меховых изделий. Было несколько заведений, рассчитанных на более состоятельных покупателей: 3 ювелирных магазина и 3 лавки, в которых торговали чаем, кофе, сахаром.

Вообще торговля, как тогда говорили, "съестными припасами" была для евреев нехарактерна. Её практически монополизировали русские крестьяне, которые торговали товарами сельского производства: им принадлежали зеленные, птичные, рыбные, мясные лавки, мучные лабазы и т. и. Правда, имелось 9 еврейских мясных, но они были рассчитаны на евреев же: там продавалось кошерное мясо. Работников-евреев в лавках было немного, всего 26 человек. Большинство служило в мясных – всего 16. т. е. по 2 человека в лавке.

Нижнюю ступень петербургского торгового мира составляли разносчики, ходившие со своим товаром по домам: некоторые торговали на рынках. Было их всего 6 тыс. человек, большинство, естественно, русские. Много было также разносчиков-татар (разносная торговля мануфактурным и галантерейным товаром была типично татарской профессией). Для еврейского населения Петербурга торговля в разнос была не очень характерна – ею занимались 62 женщины и 31 мужчина.

После принятия законов 1839 и 1861 гг. – о купцах I гильдии и об окончивших высшие учебные заведения с ученой степенью – в Петербурге появляется немногочисленная группа богатых и образованных евреев.

В 1859 г. выходцем из Витебской губ. Е. Г. Гинцбургом был основан в Петербурге банкирский дом "И. Е. Гинцбург", который вскоре стал одним из главных банковских учреждений России. Известным банкиром стал также А. М. Варшавский, приехавший в Петербург из Полтавской губ. в начале 1860-х годов. Оба они, а также и сын Е. Г. Гинцбурга Гораций много сделали для эмансипации и культуры евреев. Кроме того, они участвовали и в нееврейской культурной и благотворительной деятельности в Петербурге. Е. Г. Гинцбург возглавил основанное в 1863 г. Общество для распространения просвещения между евреями России, которое ставило своей целью привлечение их к общерусской культуре.

Среди интеллигентных профессий первая, к которой были допущены евреи, была профессия врача. Этот вид деятельности считался непрестижным у русского дворянства, а других социальных источников для подготовки интеллигенции было недостаточно (недаром так много в России было врачей-немцев). Поэтому было решено допустить евреев в эту профессию. В 1835 г. разрешили принимать в Медико-хирургическую академию воспитанников-евреев на казенный счет. Однако жить и работать после окончания академии евреи могли только в черте оседлости. Опасение выпустить еврея за ее пределы сохранялось и в годы реформ. Именно этим объясняется странная на первый взгляд особенность закона 1861 г.: для получения права "жительства в любом месте" империи медикам был необходим диплом доктора наук, для всех остальных признавались достаточными дипломы магистра или кандидата. Объяснялось это просто: среди евреев было больше имеющих степени в медицине, чем в других науках, а право на

жительство старались дать лишь единицам. Вскоре, однако, это постановление было частично пересмотрено. С 1865 г. евреев-врачей стали брать в военно-медицинскую службу, с 1866 г. – в учреждения Министерства народного просвещения с правом жительства в любом месте империи. В результате всех этих постановлений в Петербурге в 1869 г. имелось, согласно переписи, 20 евреев-медиков. Все остальные интеллигентные профессии представлены в переписи в меньшем числе. Так, в группе, объединявшей писателей, журналистов, переводчиков и издателей было всего 5 человек, преподавателей средних и низших учебных заведений – 15, инженеров – только 2. Музыкантов, учителей пения и музыки было 30 человек, но мало кто из них имел высшее образование.

Обращает на себя внимание большое число студентов высших учебных заведений – всего 176 человек. Распределение по учебным заведениям не указано, кроме двух: 8 человек учились в консерватории (она была открыта в 1862 г. и сразу вызвала интерес евреев) и 1 человек в Академии художеств. Известно, что были еврей-студенты также в Технологическом институте. Университете, Военно-хирургической академии.

Расселение по городским районам

В середине XIX в. Петербург представлял собой русский в основном город с дисперсным расселением иноэтнических групп. Однако такое расселение отнюдь не всегда является этнически нейтральным. Некоторые этнические группы концентрировались по преимуществу в определенных районах. Причины этого – земляческие связи в соединении с этническим предпочтением, а также социальный фактор, когда место проживания зависит от занятий и социального статуса.

Расселение евреев в Петербурге в пореформенный период носило четко выраженный этнический характер. Было произведено сравнение индексов концентрации по городским участкам десяти наиболее многочисленных в Петербурге этнических групп (индекс показывает, во сколько раз доля этнической группы в населении участка выше или ниже доли этой группы во всем населении). В Петербурге всего было 38 участков. Ниже приведены для сравнения индексы концентрации этих десяти групп по участкам (показано количество участков, в которых индекс превышает 2.0).

Этнические группы	Количество участков с указанным индексом		
	2.0 – 3.9	4.0 – 5.9	6.0 – 7.9
Евреи	1	–	1
Татары	4	–	1
Французы	2	2	–

Англичане	5	1	-
Финны	4	-	-
Эстонцы	5	-	-
Немцы	4	-	-
Шведы	3	-	-
Латыши	1	-	-
Поляки	1	-	-

Как видим, наиболее этнически обусловленным было расселение евреев и татар, французы и англичане занимали второе место. По-видимому, можно констатировать связь высокой концентрации с конфессиональными отличиями от большинства населения (евреи, татары) и с иностранным подданством (французы, англичане). Эта закономерность сохранялась в Петербурге и в последующие годы. **(56)**

В 1869 г. в Петербурге имелся один район сосредоточения евреев, центром которого был 4-й участок Спасской части. Здесь жило 26.7 % всех петербургских евреев, доля их в населении участка составляла 7.9 %, что в 8 раз превышало долю евреев во всем населении. Евреи селились также в прилегающих кварталах соседних участков. В одном из них, 4-м участке Московской части, доля евреев в населении также была достаточно высока, в остальных — незначительна. Всего же в этом районе проживало в 1869 г. 65.9 % всех петербургских евреев (4413 человек, подсчитаны жители восьми участков: 2-го и 3-го Казанской части, 3-го и 4-го Спасской, 1-го Коломенской, 1-го и 2-го Нарвской, 4-го Московской). Остальные были более или менее равномерно расселены по городу.

“Еврейский” район Петербурга был расположен в кварталах, прилежащих к Садовой улице между Сенным и Никольским рынками. Что же представлял собой этот район?

Охарактеризуем самым общим образом этническую топографию Петербурга пореформенного времени, чтобы понять место “еврейского района” на его карте. В аристократическом административном центре (левый берег Невы от Фонтанки до Мойки) население состояло из родовой и служилой аристократии, крупных чиновников, военных, а также тех, кто был занят их обслуживанием. Люди низших слоев общества в официальном центре столицы жили исключительно в тех случаях, когда по роду своей деятельности были связаны с обслуживанием основного населения. Доля русских здесь составляла 77 %. Состав нерусской части был немецко-польским, особенно много (10%) было немцев (поляков — 1.7%). Именно эти национальности преобладали в высших и образованных слоях населения. Культурным и торговым центром столицы был Невский проспект до Фонтанки и Большая Морская улица с прилегающими кварталами. Здесь жили главным образом люди, занятые административной деятельностью, чиновники, представители

разных свободных профессий, педагоги, артисты, а также торговцы и многочисленные служащие магазинов и, разумеется, прислуга. Доля русских была немного ниже, чем в административном центре (72–73 %), среди иноэтнической части было много иностранцев, главным образом французов и немцев.

Описанный центр столицы, для которого был характерен средний уровень концентрации нерусского населения, был окружен поясом, где доля нерусских была максимальна. Это – Васильевский остров, средоточие науки и заграничной торговли, а также торгово-ремесленный район, расположенный южнее Невского (2-й и 3-й участки Казанской части). На Васильевском острове доля русских составляла 73 %. очень многочисленны были немцы и финны. Казанская часть была самой этнически смешанной во всем Петербурге. Русские здесь составляли только две трети населения. Из нерусских преобладали немцы (20.5 %) и финны (6.2%). Здесь было много лавок, торговавших готовой одеждой, и соответствующих мастерских. Они обслуживали не высшие круги общества, как магазины на Невском, а средние слои.

Второй пояс, в котором доля русских была наивысшей, охватывал торгово-ремесленный район вокруг Садовой улицы. Вот здесь-то, на окраине русского но преимуществу торгово-ремесленного района, и находился еврейский уголок Петербурга.

Садовая улица, прорезавшая с севера на юг Спасскую часть была главной торговой артерией не только этой части, но и всего Петербурга. Самой характерной ее чертой было преобладание привозной торговли над местной и большое число в связи с этим рынков – шесть крупнейших рынков столицы (вся оптовая торговля). Кроме рынков, на Садовой и вокруг нее, на разных улицах и в переулках Спасской части, размещались многочисленные ремесленные мастерские, главным образом следующих отраслей: обработка металлов, кожевенные, обработка волокнистых веществ, дерева. Многие мастерские работали не на заказ, как в центре, а на продажу – сами и сбывали одежду, утварь, обувь. Большинство ремесленников составляли крестьяне. Часть их целая кочевую жизнь: портные, сапожники, шапочники, меховщики весной уезжали в деревню, а осенью возвращались назад (зимние отходники).

Роль Садовой для простого народа была подобна роли Невского для привилегированного общества. На Садовой всегда было многолюдно. Продаваемый на рынках и с рук товар был рассчитан на покупателей из низших слоев населения, в том числе на рабочих, которые являлись сюда за покупками с самых отдаленных окраин. Здесь было очень много трактиров, харчевен, распивочных, обжорных рядов: в них нуждался сосредоточенный в районе многочисленный бессемейный и бездомный люд. Район этот был, по петербургским представлениям. можно сказать, совсем русский. Ближе к Невскому (2-й участок Спасской части) русских было 87–89 %. Дальше от Невского доля русских была еще выше и со временем росла (в 3-м участке Спасской части русское население составляло в 1869 г. 87%, в 1890 г.–91 %). Интересные данные о погубернском составе

русского населения этого района имеются в опубликованных материалах переписи 1864 г.: выходцы из Ярославской, Тверской и Костромской губ. составляли здесь 85% жителей (т. е. почти все русское население). **(57)**

Далее Сенного рынка начинался район, где в 1869 г. сосредоточивалось две трети петербургских евреев. Это была уже торгово-ремесленная периферия. На Никольском рынке (у Крюкова канала) происходил наем рабочих. Здесь под специально построенными навесами собирались приезжавшие в Петербург в поисках работы крестьяне. Каждую весну приезжали каменщики, печники, землекопы, огородники, плотники, торговцы-разносчики и др. Прилив их начинался с конца февраля и продолжался до конца апреля, а отъезд происходил в сентябре, октябре и в начале ноября. На Ново-Александровском рынке (на пересечении Садовой и Вознесенского проспекта) торговали подержанными промышленными товарами. Здесь было много мелких мастерских, дешевых лавочек, обслуживавших бедный люд, но не было размаха оптовой и привозной торговли. Лавочки и мастерские принадлежали почти исключительно евреям.

Компактное жительство евреев в Петербурге в то время было обусловлено главным образом сильными этническими, земляческими, родственными и религиозными связями. Здесь поселялись т.е, кто приехал недавно, — ремесленники, получившие право жительства в столице всего за четыре года до переписи, но которой мы судим о расселении. Они плохо знали русский язык, чувствовали себя в городе чужими. Объединяющими центрами для евреев были синагоги. По данным переписи 1869 г., в этом районе имелись четыре синагоги, одна молельня, школа с приютом и еще одна школа, для девочек; вне его — только две молельни (молельни при воинских частях и в госпитале не учитываем). **(58)** В литературе имеются сведения лишь о двух молитвенных домах (причем подчеркивается, что синагогами их называть не разрешали) — о молитвенном доме на Екатерининском канале у Львиного мостика (официально существовал с 1865 г.) и о хоральной молельне на Вознесенском проспекте, первое богослужение в которой состоялось в 1868 г. на Рош-Ашана (Новый год). **(59)**

Несмотря на нивелирующее влияние большого города, кое-что здесь сохранялось от еврейского быта и в уличной, открытой, жизни, а не только в домашней. В рассказе В. Н. Никитина, посвященном петербургским евреям, говорится, как после молитвы в синагоге "40 - 50 очень религиозных, преимущественно пожилых евреев пошли восвояси, как в своих местечках, — в талесах". **(60)** Правилами 19 августа 1852 г. было установлено: "Употребление талесов и твалимов (тфилин) и ермолок дозволить только при богомолении в синагогах и молитвенных домах, но отнюдь не допускать носить их вне синагог и молитвенных домов". **(61)** Однако в конце 1860-х годов на выполнение этого правила в таком захолустном районе столицы смотрели сквозь пальцы, тем более что в 1865 г. последовало разъяснение, что правилами о еврейской одежде имелось в виду устранить на улицах и в общественных местах

“неприличия” в одежде “со стороны как евреев, так и вообще всех прочих жителей” и что в дальнейшем не встречается необходимости “в принятии каких-либо мер, исключительно относящихся до еврейского населения”.

Район, о котором идет речь, оставался центром расселения евреев и в последующее время. В 1890 г. в названных выше 8 участках абсолютная численность евреев была на уровне 1869 г., но теперь это составляло 48 % всех евреев, живших в столице. Именно здесь, в 1-м участке Коломенской части, на Лермонтовском проспекте, в конце XIX в. была построена новая большая синагога, существующая поныне.

В других районах евреи жили рассеянно и в небольшом числе. Очень мало их было в аристократическом центре, в этом смысле изменений с годами не наблюдалось. Так, в Адмиралтейской части и прилегающих к Невскому 1-м участке Казанской и 1-м участке Спасской части (до Фонтанки) в 1869 г. жили 396 евреев (6% всего их числа), в 1890 г. – 774 человека (4%). Это объясняется социальными причинами. Среди евреев было очень мало лиц, занимавших высокое общественное положение. Торговые и ремесленные заведения, принадлежавшие евреям, не могли конкурировать с сосредоточенными в этом центральном районе первоклассными магазинами и ателье. На отдаленных окраинах евреи также практически не жили, так как среди них почти не было заводских и фабричных рабочих.

Можно попытаться реконструировать различие социального (вернее – сословного) состава еврейского населения в зависимости от места жительства (цифровых данных об этом не имеется). Как уже говорилось, 66 % петербургских евреев жили в 1869 г. в одном небольшом районе. Здесь селились те, кто недавно приехал, т. е. мещане, появившиеся в Петербурге после 1865 г. Они составляли 41 % всех петербургских евреев. Остальные 25 %, вероятно, состояли из отставных солдат. Люди, занимавшие более высокое общественное положение, здесь не жили. В других районах Петербурга были расселены купцы, почетные граждане, дворяне (16%) и часть солдат (13 %), т. е. в этих районах простой народ среди евреев составлял менее половины.

Любопытные результаты для характеристики еврейского расселения в Петербурге дает анализ более поздних материалов. В 1910 г. в традиционном еврейском районе проживало не более четверти всех петербургских евреев. Но именно здесь оставался наиболее высоким процент считающих родным еврейский язык – по участкам от 63 до 80%; в остальных районах еврейский язык считали родным от 38 до 32 % евреев. Это значит, что и в начале XX в. вновь приезжающие предпочитали селиться в старом традиционном районе и только спустя некоторое время часть их расселялась по другим районам города.

Материалы переписи 1869 г. фиксируют начальный момент формирования в Петербурге многочисленной еврейской колонии. Она состояла в то время в большинстве своем из недавних выходцев из Западного края, недостаточно еще адаптировавшихся в столице, а также из отставных солдат, утративших некоторые основы национальной культуры, но не усвоивших и русскую. Социальный статус евреев в Петербурге был в то время довольно низок, несмотря на то что законом не допускалась иммиграция беднейших слоев: он всецело определялся еще более низким статусом их в черте оседлости. Вместе с тем в Петербурге уже тогда начала формироваться русскоязычная интеллигенция, что обеспечило в дальнейшем условия для возникновения в Петербурге центра русскоязычной еврейской культуры.

Примечания

1. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. (далее: Перепись 1869 г.). Спб. 1872. Вып. 1. 2: 1875. Вып. 3.
2. Грузенберг С. Еврейское население Петербурга // Восход, 1891. Кн. 1. С. 1–23; Соловейчик М. Петербургские евреи по последней переписи // Там же. 1892. Кн. 3. с 1 – 16.
3. Гессен Ю. Санкт-Петербург//ЕЭ. Т. 13. Стб. 936–949.
4. Юхнёва Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга : Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984.
5. См. об этом: Юхнева Н. В. Этническая территория и особенности расселения евреев-ашкеназов России в конце XIX в. // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. М.. 1985. С. 56–70.
6. Юхнёва Н. В. Этнический состав... С. 210.
7. Петербург был для евреев инонациональным городом, в то время как в Белоруссии и Литве имелись города, где они являлись доминирующей этнической группой. См. об этом: Юхнева Н. В. Материалы к этническому районированию городского населения Европейской России // Этнические группы в городах европейской части СССР : Формирование, расселение, динамика культуры. М., 1987. С. 112–126,
8. Юхнева Н. В. О роли многонациональных городов Центральной и Восточной Европы в интеграционных этнических процессах (XVIII–XIX вв.) // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе : Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984. С. 17–28.
9. Об этом см.: Юхнева Н. В.: 1) Роль Петербурга в национальном развитии латышей и эстонцев // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 159–163: 2) Роль Петербурга в национально-культурных движениях народов России//ЭПЛ. Вып. 1. Л., 1987. С. 3–11.
10. О "Гамелице" петербургского периода см.: Вартанов Ю. П. Некоторые данные о быте петербургских евреев в 70-е годы XIX в. на страницах газеты "Гамелиц" // ЭПЛ. Л., 1987. Вып. 1. С. 30–37.
11. Гордон Л. О. К истории поселения евреев в Петербурге//

- Восход, 1881. Т. 2. С. 35–41.
12. ПСЗ. Т. 28. № 21547.
 13. С. Л. /Липшиц, С./. К истории евреев в Петербурге в царствование императора Александра I //Еврейский ежегодник на 1901–1902 год. Спб., 1901. С. 339–340.
 14. Гессин Ю. Санкт-Петербург. Стб. 941.
 15. См. там же.
 16. ВПСЗ. Т. 2, № 1329, 1330.
 17. Там же. № 1115.
 18. Там же. Т. 13. Отд. 1, № 10886.
 19. Из записок сенатора К. Н. Лебедева. 1838 // Русский архив. 1910. Кн. 7. С. 387.
 20. Гессен Ю. Санкт-Петербург. Стб. 943.
 21. Карнович Е. Санкт-Петербург в статистическом отношении. Спб., 1860. С. 50.
 22. ВПСЗ. Т. 11, отд. 1. № 42264. С. 693–694.
 23. Там же. С. 694–695.
 24. Там же. С. 695.
 25. Там же.
 26. Гессен Ю. Попытка эмансипации евреев в России // Пережитое : Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. Спб., [1910]. Т. 1. С. 158–159. 161.
 27. ВПСЗ. Т. 11, отд. 1. № 42264. С. 696.
 28. Гессен Ю. Александр II, русский император // ЕЭ. Т. 1. Стб. 814 (по рукописным материалам).
 29. Там же. Стб. 814–815.
 30. ВПСЗ. Т. 2. № 1329.
 31. Там же. Т. 30, № 29681; т. 31. № 30877, 30888.
 32. Там же. Т. 30. № 29850.
 33. Там же. Т. 21. № 30493.
 34. Там же. Т. 31, № 30847.
 35. К столетию Комитета министров: 1802–1902. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Спб., 1902. Т. 3, ч. 1. С. 332.
 36. ВПСЗ. Т. 34. № 34248.
 37. Там же. Т. 35, № 34459.
 38. Там же. Т. 36, отд. 2, № 37684.
 39. Гессен Ю. Александр II, русский император. Стб. 817.
 40. ВПСЗ. Т. 35, № 36339.
 41. Там же. Т. 42, № 44745.
 42. ВПСЗ. Т. 40. № 42264.
 43. Карнович Е. Санкт-Петербург. . . С. 50.
 44. Гессен Ю. Санкт-Петербург. Стб. 945.
 45. Там же.
 46. Там же.
 47. Там же.
 48. Днепровский С. К истории еврейской общины в Петербурге // Недельная хроника Восхода. 1893. № 35. С. 934.
 49. Перепись 1869 г. Вып. 1. отд. 2. С. 25. табл. 1.
 50. Никитин Н. Век прожить — не поле перейти... (Из записок отставного солдата) // КБ. Спб. 1874. Т. 4. С. 194.
 51. Там же. С. 194–213.

52. Перепись 1869 г. Вып. 1. отд. 1. С. 1.
53. Перепись 1869 г. (как и другие) не дает численности ремесленников. Способ получения приведенной цифры см.: Юхнева Н. В. Этнический состав. . . С. 56–57. С. 56–57.
54. Никитин В. Н. Искатель счастья // ЕБ. 1875. Т. 5. С. 100.
55. ВПСЗ. Т. 45. № 48175.
56. См. анализ на 1890 к 1910 гг. в кн.; Юхнева Н. В. Этнический состав. . . С. 114– 115.
57. Санкт-Петербург: Исследования по истории, топографии и статистике столицы. Спб. 1868. Т. 3. Табл. на с. 20–34.
58. Перепись 1869 г. Вып. 2. Перечень церквей, учебных заведений, богаделен, тюрем, казарм. С. 129–147.
59. Днепровский С. К истории. . . С. 934–936.
60. Никитин В. Н. Искатель счастья. С. 96.
61. Гессен Ю. Одежда // ЕЭ. Т. 12. Стб. 48–49.